

Кэтрин С.

Я мечтаю о джинне: ориенталистские мании в западных землях

Оригинал: Kathryn S. I Dream of Djinni: Orientalist Manias in Western Lands

Источник: <https://counter-currents.com/2022/07/i-dream-of-djinni-part-one/>,
<https://counter-currents.com/2022/07/i-dream-of-djinni-part-two/>

Перевод с английского, 2022 г. На русском языке публикуется впервые!

«Сон евнуха», Жан-Жюль-Антуан Леконт дю Нуи, 1874 г.

Часть первая

Представленная здесь французская картина, названная «Сон евнуха» и законченная художником во время золотого века империи, является одним из самых запоминающихся примеров «ориентализма», который я когда-либо видела. Это романтический образ, как бы сорванный со страниц арабских рассказов Шахерезады, пленивший жителей Запада девятнадцатого века опьяняющей смесью насилия, красоты и чужеродной необычности: эротико-экзотический жанр.

Тот факт, что изображенный на картине человек является евнухом, означает, что в какой-то момент он был пленником и/или рабом богатого арабского или турецкого принца. Его черты помещают его в расовую группу, когда-то называемую «монголоидной», возможно, он из степей Тибета или горных районов Непала. (Он также вполне мог бы быть из Центральной Азии и Великой Степи, которая как географически, так и культурно ближе к Османской империи, нежели Тибет и Непал. – прим. перев.)

Его окружают свидетельства восточного богатства: ковры и узорчатые подушки под его распластанным телом создают ощущение праздности. Его одежда в порядке, хорошо сшита и не имеет следов износа. Рядом с ним на декоративном столике стоит графин с чаем или кофе вместе с вазой со спелыми фруктами. Какой-то инструмент прислонен к камню позади него, что-то среднее между ситаром и ятаганом.

Неподалеку в свете пустынной Луны блестит дворцовый комплекс. Сам человек лежит на крыше, повернув лицо к безоблачному ночному небу. Как один из его ковров с кисточками, открытый вид на город разворачивается вокруг него от горизонта до горизонта.

И тем не менее, мы знаем, что это образ – образ человека в ловушке – попавшего в ловушку внутри искаленного тела; запертого в городе далеко от родины; пойманного в ловушку ложного бегства с помощью наркотика, который усугубляет его импотенцию. Он лежит на спине, под кайфом от гашиша (или опиума) и буквально кастрирован – неспособен действовать в соответствии со своими желаниями. Нож, который ребенок держит прямо, представляет собой как отрезанную плоть, так и инструмент, который когда-то использовался для ее удаления. Женщина съезживается и убирается прочь от его трубки, как джинн в облаке дыма, приманивая его желанием, которое она не исполнит для него, даже в его снах. Мы чувствуем жалость и, если быть честными, легкое презрение к этой одурманенной фигуре. Даже если бы он не был рабом, какой мужчина увидел бы в нем равного? Какая женщина увидит в нем мужчину? Он конечный результат декадентской культуры. Эта картина – зеркало.

Это эссе посвящено трем взаимосвязанным вещам: возникновению моды на «всё восточное» и обесцениванию европейской культуры посредством ориентализма и порожденных им маний. Что я подразумеваю под «ориентализмом»? В середине двадцатого века этот термин придумал ученый-антиимпериалист по имени Эдвард Саид (1935-2003), палестинский араб, живший и работавший в США. Его идеи можно резюмировать как литературный и культурологический аргумент о том, что со времен Просвещения европейцы, изучающие ближневосточный и азиатский мир (известные как «востоковеды» или «ориенталисты»), накладывали на эти места образ восточной «инаковости». Это был образ соблазнительный, экзотический, древний, женственный, мистический, романтический, деспотический, а временами великолепно красочный. Научная

работа Саида оказала влияние на ученый мир, и он был одним из самых важных основоположников «постколониализма» (области, характеризующейся ненавистью к западным империям и их «расистским» архитектором).

Но *мой* ориентализм – это ориентализм для белых националистов. Это не риторическое оружие цветных националистов, как предполагал Саид. В действительности он упустил один ключевой – возможно, решающий – момент. «Конструируя» восточное «Другое», европейцы представляли Восток местом происхождения и создателем культуры и приписывали ему эти свойства. В то же время они представляли свои западные общества бескультурными. Из-за империи, индустриального капитализма, и сопутствующего появления и развития профессиональной антропологии «культура» стала чем-то, что принадлежало небелым, в то время как «культивирование» принадлежало белым космополитам, которые в него верили. Саид сосредоточил свое внимание на расизме европейцев, но я сосредоточусь на унижении этих европейцев, а также на их презрении к соотечественникам, которые решили сохранить национальные и местные обычаи.

По мере того, как усиливалась наша тяга к Востоку, мы начали видеть себя «ненастоящими» народами, а небелый мир – «настоящим». Мы ошибочно принимаем мимолетную моду за реальность. Отсюда постоянное и отчаянное цепляние за восточные предметы, образы и духовность. Жители Запада, которые когда-то были уверены в своей вере в величие своей расы, стали считать свою родину бескультурной, скучной и недостойной сохранения. Между тем, они стали считать остальной мир, особенно Азию, богатой культурой и красочностью. В небелых обществах были практики, которые стоит перенять. У них были народы, которые одним своим присутствием «обогатили» Европу.

Итак, читатели, посмотрите еще раз на картину. Куря восточную трубку, мы превратились в культурных евнухов и стали рабами моды, все время питая мысль о том, что мы западные хозяева Востока. Мы как лунатики спали и шли – или шли в грезах – к потере нами самих себя. Приведенные ниже исследования примеров, которыми я поделюсь, были иногда смешными, а иногда и пугающими, но все они были признаками болезни, разлагающей наши цивилизационные убеждения.

Обратите внимание еще вот на что. Мне важно отметить, что я не нападаю ни на индийские традиции в том виде, в каком они существовали в самой Индии, ни на японские традиции в Японии и т. д. Это достойные народы, которые за тысячелетия построили впечатляющие общества. Я также не утверждаю, что Восток не произвел ничего ценного, чему Западу стоило бы научиться или что-то перенять. Но неорганическое принятие чуждых философий и эстетик для прикрытия наготы нашего духовного и культурного обнищания создаст лишь мерзости, из которых получится мешанина из Запада и Востока. Давайте не будем унижаться, надевая восточную одежду.

1. Турецкие наслаждения: голландская «тюльпаномания»

«О благородный нежный тюльпан, о высоко ценимый цветок!»

Фронтиспис голландского акварельного альбома семнадцатого века. Идеальный голландский тюльпан слева, османский тюльпан справа

Культивирование и культура (а также культ и колония, если уж на то пошло) – все эти слова происходят из латинского слова «*cultura*», что означает ухаживать, возделывать, формировать, развивать, заботиться или охранять в буквальном сельскохозяйственном смысле и в переносном интеллектуальном смысле. Тюльпан сочетает в себе эти буквальные и символические значения, поскольку в 1600-х годах обладатель луковицы редкого тюльпана хотел показать другим, что он также и сам является редким видом, вызывающим зависть:

культурным человеком. Действительно, «знание о цветах, как и знание об искусстве, было признаком развитости, культурности, статуса, участия в мире человека, который мог позволить себе что-то дорогое и имел культурный капитал, чтобы иметь возможность говорить об этом». [1]

Другими словами, быть стильным означало, что человек воспринял изысканные и экзотические предметы Востока. Культура заключалась не в местных диалектах, народных обычаях или многовековых традициях, а в космополитическом поклонении иностранному.

К шестнадцатому и семнадцатому векам голландское увлечение восточными товарами стало просто невероятным, доходя до иронии. Йохан ван Олденбарневелт, главный представитель голландского государственного управления и «показной трезвости», солдат-патриот популярного Вильгельма Оранского и, наконец, герой-мученик молодой республики, был «образцом голландского духа». И все же, когда после его смерти в 1619 году была сделана опись его большого имения, в ней было зарегистрировано поразительное количество иностранных предметов. К ним относятся: «небольшая шкатулка с двенадцатью безоаровыми камнями», «кровать [хозяина] с индийскими драпировками и накидным полотном из них же», «изголовья из индийского дерева», «кусочек узорчатого индийского полотна», «лакированный индийский ящичек», массивный кожаный сундук с «большим индийским покрывалом», «верхняя часть палатки [балдахин?] из индийской ткани», «индийский плащ» среди одежды, «мешок с перцем», «картина, изображающая турка», фарфоровая посуда из Китая, и так далее. [2] Так был ли Олденбарневелт «образцом голландства» или фетишистом ориентализма?

Олденбарневелт умер до того, как самый безумный приступ восточной мании сделал его соотечественников дураками. Но, судя по его вещам, семена тюльпаномании, порожденные двойной модой на коллекционирование экзотики и страсть ко всему восточному, были посеяны поколениями голландцев почти за столетие до Великой тюльпановой авантюры 1630-х годов. Эта афера, которую часто приводят в пример краха фьючерсного рынка, меньше обсуждается как образец повального увлечения модой на всё восточное, которая свела с ума жителей Запада. [3] Как же один из самых благоразумных и строгих народов Европы обанкротился из-за цветка, который обычно цветет всего одну неделю в году?

Источник беды начался в течение тех неведомых и бесчисленных тысячелетий предыстории. Тюльпан возник на склонах гор Тянь-Шань (тюрки называют их *Тенгиртау* или *Танрыдаг*, т. е. буквально «горы Бога Тенгри (Вечного Неба)» – прим. перев.) к северу от Гималаев, где ныне сходятся Китай, Тибет, Афганистан и Россия. Из этой дикой и довольно бесплодной колыбели первые цветы тюльпанов повернулись лицом к солнцу, дети «невообразимых просторов Центральной Азии». Именно эта негостеприимная территория, «тысячи

миль в длину и сотни в ширину», удерживала древние империи Запада, такие как Рим, и древние империи Востока, такие как Китай, в неведении друг о друге. [4] Но по прошествии столетий красные горные луковицы поползли на запад. Даже тогда, лишенные более позднего роста стеблей, ярких вариаций цвета и прохладной элегантности своих потомков семнадцатого века, они были прекрасны. Их яркий внешний вид был причиной того, что турки-османы в итоге сделали тюльпан (по-турецки *lale* – прим. перев.) своим священным цветком.

Мало кто так любил садоводство, как османы Средневековья и раннего Нового времени. Когда они захватили Константинополь и сделали его резиденцией своего правительства, победители превратили этот город в одну большую мечеть и цветочный магазин. Дворец османского султана Топкапы, известный как «Обитель блаженства», сочетал «разнообразие, красоту и великолепие» в своей серии многоуровневых дворов. Со всех сторон, внутри и снаружи, «блестело и сверкало золото и серебро, украшения из драгоценных камней и жемчуга». [5] Его внутренние сады были страстью Мехмеда II и строго закрыты для посторонних.

Во многих восточных культурах пристальный взгляд обладал особой силой. Запрещенных (и, следовательно, крайне желанных) предметов было в избытке. Посторонние не могли заглянуть внутрь сказочного Запретного города Китая; японцы создавали завораживающе красивые, интимные и замкнутые сады из бархатного мха; а султан или раджа запрещал вход в некоторые комнаты своих дворцов и скрывал свой гарем жен от осквернения взглядом другого мужчины. Смотреть на то, что было запрещено, было равносильно тому, чтобы испортить еду, приготовленную для чьего-то удовольствия. Теперь мы понимаем значение фразы «наслаждение глазами», как визуальное удовольствие становится потреблением. Жители Запада вообразили себя вуйеристами и опьянели, одержимые обладанием предметами Востока ради простого удовольствия созерцать их. Слово цитируя Книгу Бытия, один летописец описывал скрытые участки дворца Топкапы как рай

«с очень обширными и очень красивыми садами, в которых росли всевозможные виды растений и фруктов; где вода, свежая, прозрачная и пригодная для питья, текла со всех сторон, и стаи птиц, как съедобных, так и певчих, чирикали и издавали трели». [6]

Сам султан Мехмед, как известно, трудился в этих садах, выращивая уникальные виды растений, но рука об руку с исключительной красотой шла исключительная жестокость. Однажды утром султан обнаружил, что его огурцы исчезли. Он приказал выстроить всех своих королевских садовников и выпотрошить перед ним, чтобы он мог обнаружить в их внутренностях вора, съевшего его овощи. Другие мужчины, которые разочаровывали его или были пойманы, пытались незаметно проскользнуть у ограждения Топкапы, понесли быстрое

наказание. [7] Когда у него просыпалось чувство милосердия, султан мог устроить испытание для таких преступников. Его главный садовник (бостанджи-баша) был также главным палачом, и он играл ведущую роль в последовавшем состязании. Осужденный бежал наперегонки с бостанджи-башой. Если он пробегал полмили через сады и раньше палача добегал к воротам Балыкхане (буквально «Рыбный дом»), расположенным у южной границы дворца, человек сохранял голову, и султан смягчал приговор, заменяя казнь изгнанием.

Только во время правления Сулеймана I Великого (Великолепного) в шестнадцатом веке османы начали всерьез выращивать тюльпаны. Как только они это сделали, сам монарх и его подданные полностью попали под чары цветка. Султанские чиновники просили мастеров гравировать тюльпаны на их доспехах и вышивать на одежде. Садоводы стали выводить новые фантастические сорта. В эпоху, когда об этих вещах знали смутно, селекционеры поливали тюльпановые клумбы темно-красным вином, чтобы стимулировать рост темно-красных луковиц из почвы. Тюльпаны могли поставить в тупик даже опытных османских садоводов. Однажды они могли расцвести красным цветом, таким же чистым, как свежeproлитая кровь неверных; в следующий раз они могли прорасти разноцветными полосатыми цветами.

Выносливый цветок среднеазиатских степей превратился в суетливый и непостоянный «Стамбульский тюльпан». «Стамбульские тюльпаны» были нежнее и куда элегантнее своих тянь-шаньских горных предков. Их лепестки были длинными и тонкими, острыми, как кинжалы. Самые востребованные тюльпаны сужаются к чувственному миндалевидному силуэту с красновато-коричневыми или ярко-красными лепестками. Османские агрономы называли свои гибриды разными именами, такими как «Бесподобная жемчужина», «Увеличивающий удовольствие» и «Роза зари».

Многие европейские послы чувствовали себя деревенскими батраками, посещая турецкий двор. Не было человека более культивированного, более культурного, чем османский султан; не было никого более жестокого, никого более деспотичного. Эта смесь красоты и жестокости снова и снова отталкивала и одновременно притягивала к себе Запад, и одним из главных соблазнов был изменчивый тюльпан. Неясно, как и когда именно тюльпан попал в Европу, но легенда гласит, что вина за это лежит на Ожье Гислене де Бусбеке, фламандском ученом и посланнике императора Священной Римской империи. В дневниковой записи от 1 сентября 1555 года Бусбек рассказал о своем путешествии из Адрианополя в Стамбул:

«Проезжая через этот район, мы повсюду натыкались на множество цветов – нарциссов, гиацинтов и тюльпанов, как их называют турки. Мы были удивлены, обнаружив, что они цветут в середине зимы, едва ли благоприятное время года».

Хотя тюльпан «имеет слабый запах или вообще не имеет его, ... им восхищаются за его красоту и разнообразие цветов. Турки очень любят цветы, и ... они, не колеблясь, платят несколько аспров [8] за один прекрасный цветок», – удивлялся он. Принимавшие его хозяева оказались напористыми продавцами цветов. Эти тюльпаны, «хотя и были подарком, стоили мне дорого; ибо мне всегда приходилось платить за них несколько аспров». [9] Похоже, турки не совсем понимали значение слова «подарок». А если и понимали, то знали, что их отсталые европейские посетители всегда подчинятся с открытым кошельком.

В отличие от османов, в средневековый период жители Запада возделывали свои сады в основном из практических соображений: чтобы есть выращенные растения или делать из них лекарства. Обычные цветы, встречающиеся в природе (лилии, розы, гвоздики, фиалки, первоцветы и т. д.), которые когда-то украшали страницы просвещенных рукописей, отошли на второй план с появлением «более захватывающих и часто более крупных экзотических растений из Турции, Малой Азии, Африки, Америки и Ост-Индии». С 1550-х годов северо-западным европейцам были представлены не только тюльпаны, но и гиацинты, анемоны, крокусы, императорская корона, ирисы, нарциссы, ранункулюсы и фритиллярии (рябчики). [10] В то же время европейцы, такие как Олденбарневелт, начали собирать всевозможную экзотику в надежде вызвать восхищение коллег и соседей. Они предпочитали вещи из чужих земель – причудливые и странные. Известным примером была желанная «райская птица» из Новой Гвинеи и Молуккских островов, потрясающая своим длинным хвостом и разноцветным воротником и так отличающаяся от обычных птиц, которых можно увидеть в Нидерландах. Еще более фантастично: у них не было ног! Голландские коллекционеры предположили, что эти птицы всю жизнь непрерывно находились в воздухе. Только позже до них дошло, что перед тем, как упаковать их в коробки для отправки через моря, птицам отрезали ноги. Чтобы быть модным, истинно культурным человеком, голландский шкаф для коллекций не мог быть слишком уж голландским.

Итак, когда тюльпан – «это странное и диковинное растение» – прибыл в Нидерланды, он сразу же стал хитом. В отличие от османов, предпочитавших удлиненные и заостренные тюльпаны, голландцы полюбили внешний вид распустившихся цветов. «Дегустаторы» тюльпанов неустанно охотились за сортами «сломанного цвета», у которых на лепестках были прожилки кремового и белого цвета. Ирония в том, что это означало, что растение страдало от вируса, что часто делало цветок слабее, а его цветение менее предсказуемым. Но не важно. «Чем больше разнообразия, тем красивее цветы», – с энтузиазмом отмечал ботаник Йост ван Равелинген. Каждый год

«появляются новые вариации и сорта, которых раньше никто не видел. Это желтый, красный, белый, пурпурный и (как утверждают некоторые)

синий; или два или три из названных цветов смешаны в одном цветке ... с крапинками, полосками или пятнами, сами красиво украшенными».

Временами «полоски подобны пламени или крыльям, как пучки перьев или плюмажи: иногда [один] цвет сияет над другим, ... один кажется золотой тканью, другой серебряной». [11]

Ослепленные голландские флористы «тщеславно [искали] странные растения и цветы, которые, получив, они сохраняют и лелеют более бережно, чем любящая мать свое дитя», – неодобрительно писал один голландский садовник. «Это люди, чьи письма летят за границу во Фракию, Грецию и Индию только за маленьким корнем или семенем». Это также люди, которые больше «горюют о потере нового найденного цветка, чем о старом друге». Разве кто-нибудь не посмеется над тем римлянином, [который] оплакивал смерть рыбы, которая у него была? Вот точно так и эти люди сожалеют о растениях». Но тот же моралист, однако, пришел в восторг, получив несколько луковиц тюльпанов от знакомого, вернувшегося с Востока. Он заверил дарителя, что они были «более дороги ему, чем если бы [его друг] прислал ... столько же луковиц из чистого золота или серебра». [12]

К началу 1630-х годов в Голландской республике была свободная и нерегулируемая капиталистическая экономика. [13] Избыток наличных денег, высокая заработная плата рабочих (из-за смертельной вспышки чумы в начале того же века), наивность и ненасытная жажда ко всему восточному подготовили почву для фарса эпических масштабов. Согласно легенде, все началось с того, что один мужчина продал свой дом и мебель в обмен на редкие луковицы тюльпанов. Бдительные купцы обратили на это внимание, и внезапно цены на тюльпаны, и без того сильно взвинченные, достигли нового возмутительного уровня. Начались безудержные спекуляции, и обмены, сделанные в пивных за рукопожатиями и тостами, захватили рынок, поскольку торговцы покупали и продавали тюльпаны, которые даже не были посажены. Мужчины отказывались от карьеры, ферм и семей, стремясь за одну ночь стать «бумажными богачами». Особо востребованные сорта тюльпанов, получившие прозвища «Август», «Александр» и «Адмирал», стоили достаточно, чтобы купить целое аристократическое поместье.

Даже в самый разгар этих событий наблюдатели поражались их абсурдности. Автор книги о современных чудесах Лоренс ван Зантен включил «тюльпановое безумие» в число других чудес, перечисленных в ее содержании, таких как стихийные бедствия, эпидемии, войны и «невероятные способы умереть». Сами голландцы стали вызывать даже больше любопытства, чем чужеземные предметы, выставленные в их шкафчиках для дикувинок. Один недовольный комментатор жаловался: «Никто не говорит, не спрашивает и не говорит ни о чем, кроме *Флоры*, так что у них настолько заняты ею головы, что они не могут ни думать, ни мечтать ни о чем другом». [14]

В то время как на Востоке султан или махараджа был жестоким и непостоянным вершителем судеб, на Западе эту роль играл рынок. Кто из торговцев-головорезов мог обогнать Рыночного Жнеца, главного садовника северо-западной Европы, и продать подороже до того, как клинок преследователя срубит его цветочные стебли? Такой мыльный пузырь не мог существовать долго. Когда весной 1637 года покупатели не прибыли на аукцион тюльпанов вовремя (вероятно, из-за простого недопонимания), цветы не смогли получить рыночную цену.

Люди запаниковали. За ночь дно резко вывалилось. Через несколько недель тюльпаны – если их вообще покупали – продавались по цене от одного до пяти процентов от их прежней стоимости. Внезапный крах, хотя и не столь разрушительный, как это позже представляли популярные мифы, имел долгосрочные последствия. Чиновники голландского государства отказались вовлекать правительство в споры о компенсации, поэтому кредиторы и должники вели борьбу на местах, которая часто приводила к принятым с горечью тяжелым компромиссам. Один голландец, навещавший своего зятя спустя годы после крушения, внимательно осмотрел уникальную луковицу тюльпана своего собеседника и сказал о ней: «Это, безусловно, стоило вам больших денег». Его зять снова посмотрел на него и ответил: «Это правда, но за нее еще не заплатили». [15] Когда этот должник умер, голландец унаследовал как луковицу, так и стайку безжалостных кредиторов.

Вот буквально вопрос на миллион гульденов:

«Отчего тюльпан получил свое преимущество?» – собрались другие цветы в саду, чтобы задать этот вопрос. «Может быть, это из-за древности? Нет? Или из-за сладости запаха?»

«Вовсе нет, запаха тюльпану всегда не хватало».

Теперь другие цветы запутались еще больше.

«Что же у него за добродетель, может, из него можно сделать лекарство?»

«Нет, нельзя».

«Так что тогда?»

«Что может быть лучше, чтобы показать свой вкус и понимание? Он красив, он иностранный, вот и все».

Но давайте не будем придирааться исключительно к голландцам и их тюльпанам. Они поддались болезни, которая в последующие века охватила большую часть Запада, – этой мании ко всему яркому, разнообразному, пестрому, благоухающему хинином или чувственному, как цейлонская луна в разгар лета.

Примечания

[1] Anne Goldgar, *Tulipmania: Money, Honor, and Knowledge in the Dutch Golden Age* (Chicago: University of Chicago Press, 2007), 122.

[2] Claudia Swan, *Rarities of These Lands: Art, Trade, and Diplomacy in the Dutch Republic* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2021), 112-113.

[3] Попросту говоря, «рынок фьючерсов» относится к спекуляции или торговле несуществующими товарами. Покупатели и продавцы обмениваются контрактами, исходя из предположения, что их партнеры, с которыми большинство участников торгов никогда не встречаются, смогут произвести платежи или предоставить требуемые товары в будущем (в этом случае производители смогут поставить указанные тюльпаны, которые еще не расцвели или даже еще не посажены). Во время этой мании люди использовали как контракты, так и еще не высаженные луковицы тюльпанов в качестве валюты.

[4] Mike Dash, *Tulipomania: The Story of the World's Most Coveted Flower & the Extraordinary Passions It Aroused* (New York: Three Rivers Press, 1999), 14-15.

[5] Там же, 26.

[6] Там же, 26.

[7] Зато женщин, вызвавших недовольство султана, зашивали в мешки и бросали в Босфор.

[8] Возможно, Бусбек имел в виду «акче», серебряную монету, которая была османской валютой с середины четырнадцатого до конца семнадцатого века. (Даже дольше, ее чеканили до 1836 года. – прим. перев.)

[9] *Tulipmania*, 32.

[10] Там же, 30.

[11] Там же, 40-41.

[12] Там же, 37-38.

[13] В данном случае считающийся «иррациональным» Восток был разумнее Запада. Вполне вероятно, что тюльпаны спровоцировали экономический кризис и в османских землях, так как некоторые виды тюльпанов были популярны в Османской империи. К счастью, султанские указы ограничивали спекуляции, которыми могли заниматься турецкие подданные. В Голландской республике 1630-х годов таких правил не существовало.

[14] *Tulipmania*, 2.

[15] Там же, 1-2.

Часть вторая

Консульская гвардия Наполеона, одетая в североафриканскую одежду: красиво, но сложно.

2. Повальное увлечение среди военных: франко-американская зуав-мания

«Его родители учили его быть галантным кавалером, но жизнь зу-зу он так предпочитал». – анонимное стихотворение Конфедерации.

«Город, – восторженно писал журналист из Ричмонда, штат Вирджиния, – вчера был охвачен припадком волнения из-за прибытия новоорлеанских зуавов – батальона из шестисот тридцати человек, таких уникальных и живописных французов, как те, которые когда-либо радовали глаз Наполеона Третьего». [1] Но именно Наполеон Первый, «тот самый Наполеон», начал нелепое увлечение военной модой зуавов, которое спустя десятилетия охватило солдат и гражданских лиц во время Войны между штатами.

В 1801 году Наполеон находился в середине своей египетской кампании. Поскольку каждый уважающий себя император до него хотя бы пытался завоевать древнюю землю фараонов, он считал это своего рода долгом. [2] Однажды вечером, размышляя над идеей стратегического обращения в ислам, генерал увидел, как на горизонте собирается облако пыли. Вскоре к французскому лагерю прибыл отряд из 150 североафриканских мамлюков, выглядевших свирепо и неулыбчиво. Их лидеры предложили генералу свои услуги в качестве бойцов, и вскоре Наполеон включил их в состав своей Великой армии – не иначе как солдат консульской гвардии.

Хотя за почти тринадцать лет их службы императору их почти полностью сменили французы из метрополии, форма этих солдат оставалась достаточно экзотической (потому что, по общему мнению, они были лучшими солдатами из всех). Всадники этой роты носили белый тюрбан, намотанный на красный, зеленый или желтый *каук*, украшенный латунным полумесяцем и звездой, приколотой к центру; его дополняли короткая красная, зеленая, желтая или цвета индиго куртка, украшенная тесьмой и под жилеткой без рукавов; пышные алые штаны и выглядывающие снизу сапоги; вокруг талии повязаны разноцветные пояса, на каждом из которых крепились кинжал и два пистолета; на левом плече у них висела зеленая сумка-пояс с мушкетомом, а на правом шнуре была изогнутая восточная сабля. [3] В ту эпоху, наполненную яркими галунами и униформой с погонами, они все равно выделялись. Остальные в «*Garde Impériale*», должно быть, сгорали от зависти.

Я уверена, что есть те, кто, подобно энтузиастам девятнадцатого века, считает форму зуавов вершиной молодецкого внешнего вида. Я всегда считала ее нелепой, особенно если носить ее за тысячи миль от Сахары. Но какое-то время стиль зуава отличал солдата, который носил эту форму, как *воина* – человека романтического и племенного порыва – а не призывника государства. Эту форму ассоциировали с историями о свирепых мусульманских бойцах-джихадистах, известных в западных учебниках истории как достойные противники крестоносцев, византийцев и испанцев. Они превратили свою восточную воинственность в заимствованный элемент западного арсенала. По крайней мере, такова была идея. Как и тюльпан, эта форма была прославленной (а иногда и неопределенно) восточной новинкой и, как и всякая мода, носилась для показухи. И когда они выставляли себя напоказ, белые зуавы казались более храбрыми, более воинственными – более мужественными – чем те, кто маршировал в своей традиционной западной форме. *Настоящие мужчины* носили фески с кисточками и широкие бриджи Аладдина.

После роспуска североафриканской гвардии Наполеона в 1814 году (после первой капитуляции и изгнания императора) французы сделали небольшой перерыв в ношении экзотической одежды, пока их алжирские приключения 1830-х годов не возродили эту любовную связь. Высадившись в Сиди-Феррухе

под Алжиром, французы испытали наполеоновское дежавю. 500 туземцев добровольно прибыли к ним в уже знакомой пустынной одежде, которую французы стали называть словом «зуав» в честь местных наемников, прискакавших к ним на военную службу. И снова североафриканский стиль полностью соблазнил их – но тогда «униформа иностранных войск на их собственной земле, будь то друзья или враги, всегда пленяла французов». [4]

Было ли это галльское чутье на моду? Как мы увидим, они были едва ли одиноки в этой своей слабости к *les hussards de l'Orient* («гусарам Востока»). Армия сформировала *Les Bataillons des Zouaves* (батальоны зуавов), которые были не коренными жителями Северной Африки, а французами, но в костюмах североафриканцев. Они отличились в Крыму и познакомили Запад с очарованием европейских мужчин в восточной форме. «Восточная мода вызвала фурор, – вспоминал один солдат, – и, подражая мадам Бонапарт, дамы были без ума от тюрбанов, а каждый уважающий себя офицер носил с собой турецкий ятаган». [5] Прежде чем мы возложим всецело вину за модные мании на феминизацию культуры, давайте учтем, что военные всегда оказывали огромное влияние на моду. Это правда, что женщины любят мужчину в форме – почти так же сильно, как мужчина в форме любит свое отражение в зеркале, когда он ее носит. Уверенное ощущение того, что ты хорошо выглядишь, действительно является своего рода броней, но вот только вне маршрута прохождения парада полезность этой брони сомнительна.

Французские зуавы одевались иначе, чем их более ранние коллеги-мамлюки: они носили фески и короткие куртки поверх жилетов без воротника, открытые спереди и украшенные тесьмой и красной отделкой; широкий пояс поверх еще более широких красных брюк (летние белые для самых жарких месяцев); и белые гетры от голени до ботинка. Помешательство на зуавах охватило все и всех так же быстро и яростно, как неудержимый казак бросается на врага, пропустив свой завтрак. Даже королева Виктория приказала сформировать британский полк зуавов, чтобы насладиться их прохождением мимо ее окна в полных восточных регалиях.

Мужчины добровольно идут на войну по разным, но предсказуемым причинам. Одной из них всегда была перспектива надеть крутой мундир. Когда Союз и Конфедерация объявили войну друг другу в 1861 году, создание армии было национальным проектом, но очень локальным делом. Целые города записывались в одни и те же роты, и они давали себе опасно звучащие и часто смешные прозвища: «Линкольн-убийцы», «Болотные дьяволы», «Черные шляпы», «Молотильщики из Таллапусы» и вызывающие удивление «Алкаши из Бич-Крик». Броское имя было началом, но что они должны были носить? В плену наполеоновско-французской мистики многие подразделения решили принять облик зуавов.

Американские зуавы превзошли европейцев, когда дело дошло до разработки этих эклектичных ориенталистских моделей одежды, доказав, что не обязательно иметь контакт с Востоком, чтобы попасть под его чары. Ведь очарование экзотического противостоит конкретике. Униформа зуавов была такой же разнообразной, как и места, откуда были родом их члены, но в них были задействованы некоторые почти универсальные элементы: короткие открытые куртки с (обычно красной) отделкой; мешковатые брюки с отдельными штанинами и узкие гетры; и красные фески или кепи в качестве «вишенки на торте». Генерал северян Джордж Б. Макклеллан сообщал, что «солдаты говорят, что это платье самое удобное из возможных, и предпочитают его любому другому». Зуав был «идеалом солдата». [6] Как и многие наблюдения Макклеллана во время войны, это было сомнительное утверждение.

Но это были первые дни весны и лета 1861 года, и нетерпеливые зрители, наблюдавшие, как рота зуавов шагает мимо по пути на фронт, почти всегда соглашались с тем, что «их одежда [придавала] войску воинственный и живописный вид, ... который вряд ли выдержал бы улучшение». Бывший корреспондент Крымской войны Уильям Говард Рассел писал, что «мания зуавов свирепствует в Нью-Йорке, и самых маленьких детей засовывают в мешковатые красные бриджи ... и их посылают с флажками и оловянными саблями, чтобы создавать помехи на дорогах». Десятки маршей и музыкальных номеров были сочинены, чтобы прославить «галантных» и «веселых» зуавов, все из которых «демонстрировали лихой, дикий, беззаботный вид; с фигурами жилистыми, гибкими и стройными». О, «Я устал от городской жизни, и я присоединюсь к зу-зу; я попробую добиться большого успеха среди южных девчонок», – звучала одна дурацкая песня. [7]

Некоторые солдаты, казалось, использовали свою «небелую» одежду как предлог, чтобы вести себя как небелые головорезы – подобно мародерствующим бедуинам. «Нью-йоркские пожарные зуавы» (воинская часть из бывших пожарных) были «одним из самых печально известных недисциплинированных и неудовлетворительных полков в американской истории». Одежда, к сожалению, в слишком многих случаях делала человека. Когда эта группа вошла на территорию Конфедерации недалеко от Александрии, штат Вирджиния, их полковник, не теряя времени, повел себя глупо. Он ворвался в одну из местных гостиниц, чтобы сорвать с крыши флаг южан, и, прежде чем он успел сорвать флаг, владелец заведения тут же застрелил его. Неблагоприятное начало.

Подразделения зуавов не были так популярны на Юге, вероятно, из-за того, что мы бы назвали «проблемами с цепочками поставок», а также из-за того, что южане уже считали сами себя и их враги-северяне тоже считали их лихими и галантными прекрасными рубаками, которым не требовалась какая-либо помощь из магазина щегольской одежды. Но несколько отрядов зуавов в армии Конфедерации существовали, одно из них – печально известные «Пшеничные

тигры» из Луизианы, люди, набранные из глухих переулков и лачуг Нового Орлеана. Местная газета *Picaune* отмечала, что «красные широкие бриджи, феска, красивая куртка и гетры зуавов были лучшей приманкой, чем награда в пять долларов, предлагаемая каждому белому мужчине, который поступит на службу в ряды регулярных войск». [8]

«Тигры» были одеты в красные куртки и широкие как воздушные шары брюки в бело-голубую полоску. Красная феска или соломенная шляпа завершали ансамбль. Все отмечали их крутой вид, который стиль зуавов лишь преувеличивал: они были «великолепным набором животных», «загорелые, мускулистые и жилистые, как арабы; и раскачивающаяся походка говорила о тренировке и выносливости». Что касается их лиц, то они были «тупыми и грубыми» ... и некоторые из них соперничали бы в хитроумном злодействе с чертами самых красивых турков, которых только мог родить Алжир». [9] *The Richmond Daily Dispatch* присоединилась к такому описанию: «Они, как правило, маленькие, но жилистые, мускулистые, активные, как кошки, и коричневые, как кожаная подошва». [10] Эти мнения, исходившие от южан, которые боролись за сохранение необходимой цветовой линии, были точными замечаниями. Не то чтобы «Тигров» это волновало. На самом деле они даже наслаждались своей плохой репутацией. Считая себя настоящими французами, эти зуавы-тигры иронически отстаивали единственно законные претензии на североафриканскую одежду. Они были «настолько злодейскими», вспоминал один офицер, «что каждый командир хотел избавиться от [полка]», несмотря на его эффективность на поле боя. [11]

По мере того, как война затягивалась, большая часть этой яркой формы изнашивалась или исчезала. Низкокачественная красная окраска курток «тигров» выцвела до тускло-коричневого цвета, в то время как более яркая экипировка, которую носили другие подразделения, «делала их заметными приметами и объектами особой ненависти». Когда один поседевший ветеран Союза отступал с фронта во время Второго сражения при Манассасе, он насмеялся над шеренгой зуавов, марширующих в противоположном направлении: «Подождите, пока вы не доберетесь до того места, где были мы. У вас штаны спадать будут, а головы раздуются!» Ежедневная рутинная работа в лагере и износ во время боев приглушили яркость их униформы, из-за чего зуавы выглядели «потрёпанными, даже нелепыми».

Прошли те дни, когда они гордо красовались, проходя через городские площади, поскольку теперь у них не было тюрбанов, а были «повязанные вокруг головы выцветшие полоски ткани» и «свободные мешки из красного ситца, свисавшие с их чресел». Вид их одетыми в «веселые наряды», мертвыми или корчащимися среди высокой зеленой травы создавал отрезвляющий и тревожный образ – окровавленные останки цирковой труппы. «Грязная война здесь отбросила в сторону его восточное великолепие», – размышлял поэт Уолт Уитмен. Реальность войны превратила и без того нелепый костюм в печальный

абсурд. Я, например, «не могу их терпеть», – признавалась одна медсестра из армии Союза, – «чтобы американский гражданин выдавал себя за араба, это деморализует». [12] Казалось, что красочные и культурно богатые восточные живописные картины не смогли очаровать хотя бы одну женщину в Штатах. Почему так много людей считали одежду в восточном стиле воплощением белой мужественности – «идеального» американского солдата? Несмотря на свою непрактичность, несколько полков зуавов сохранили свою пышность и цеплялись за свои болтающиеся «пantalоны» до тех пор, пока капитуляция южан не заставила их отказаться от своих восточных фантазий и снова облачиться в домотканые одежды.

3. Безвкусное чаепитие в китайском стиле: британская синомания

Гостиная у нас была зеленая, увешанная картинками, на которых было изображено множество удивительных птиц, пристально и удивленно смотревших с полотен в застекленных рамах на аквариум с живой форелью, - такой коричневой и блестящей, словно ее подали под соусом, – и на другие картинки, например, «Смерть капитана Кука» и весь процесс заготовки чая в Китае, нарисованный китайскими художниками. – Чарльз Диккенс, «Холодный дом».

Изысканная рама Чиппендейла для двух зеркал в стиле «шинуазри», 1769 г.

В 1750-х годах британская еженедельная газета *World* опубликовала сатирический рассказ о женщине по имени леди Фиддлфеддл, которая, унаследовав множество «прекрасных ваз, бюстов и статуй», привезенных из Италии, «выбросила [все это] на чердак, как хлам, чтобы освободить место для пузатых китайских пагод, красных драконов и изображений самых уродливых монстров, которые когда-либо или, вернее, никогда не существовали». Если бы, читая разумный *World*, «ее можно было бы убедить отказаться от всех китайских мод, [кроме] моды на зажатые ноги и не бродить вне дома», рассказчик был бы «счастливым человеком». Леди Фиддлфеддл охватила страсть к новизне. Такое стремление, присущее человеческому роду, может привести к успехам в науках и красоте в искусствах. Но когда смыслом существования общества становится непрекращающийся поиск чего-то нового, возникают абсурды. В данном случае абсурдность заключалась в том, что «аплодисменты любезно отдаются» всему азиатскому, и в особенности «китайским украшениям». [13]

Французы называли этот чрезмерно вычурный стиль «шинуазри». В середине восемнадцатого и на протяжении большей части девятнадцатого века увлечение китайскими предметами затронуло «практически все виды декоративного искусства», применимые к интерьерам, мебели, гобеленам и изящным безделушкам. [14] Оно снабжало ремесленников безвкусными мотивами пейзажей, человеческих фигур, пагод, замысловатых решеток, и экзотических птиц и цветов. «Чиномания» или «синомания» была фантазией космополитизма, подпитываемой стремлением к восточной эстетике, а не к западной. Такого рода потворство было связано с товарами и, следовательно, с модой. Британские покупки и коллекционирование всего азиатского привели к безумию новизны, похожему на тюльпаноманию, и столь же глупо выглядящему, как зуавомания. У всех этих увлечений было нечто общее: коллекционер/эстет подчинял себя предметам, позволяя им определять, кем он был. Жители Запада больше не создавали свою собственную культуру; вместо этого импортированные предметы из других стран и эстетика, заимствованная с Востока, воздействовали на жителей Запада и окультуривали их.

«Это правда, – едко перепевало другое стихотворение «О вкусе», – «что нам совсем наскучили Рим и Греция, и мы перенимаем наши модели у мудрых китайцев, и вскоре наши фермы и усадьбы начинают походить на хваленые виллы Пекина. На каждом холме возвышается увенчанный шпилем храм, украшенный змеями и обрамлением из колокольчиков». [15]

Эти карикатуры не были преувеличением. Энтузиасты Востока украшали свои парадные комнаты «как храм какого-нибудь индийского бога» ... [и вешали] занавески», украшенные «китайскими рисунками на марле». Индийские «верные палочки» украшали стулья, а «японский атлас» покрывал подушки. По мнению ориенталистов, настоящие мужчины и женщины с тонким вкусом

должны выбросить европейскую культуру, слишком знакомую, чтобы вообще считаться культурой, в мусорное ведро. Хотя мы «слишком далеки от греков и, возможно, даже больше, чем от египтян и тосканцев», – признавал один британский законодатель моды, – «мы рады, что наши комнаты и апартаменты [так!] обставлены по-китайски». Ведь, в конце концов, «человечество слишком любит разнообразие, чтобы всегда довольствоваться одними и теми же украшениями». [16]

Может быть и так, но такие утверждения неприятно пахнут нашими современными призывами ко все большему и большему «разнообразию».

Наиболее примечательными образцами британского ориентализма были чай и китайская фарфоровая посуда, в которой их подавали модные дамы. Мы все должны «соответствовать [нашим чайникам]», как однажды пошутил Оскар Уайльд, и что может быть лучше, чтобы продемонстрировать свое безукоризненное «китаелюбие», собирая «Old Blue» – самый желанный образец фарфора? [17] Коллекционирование фарфора дало людям среднего достатка легкий доступ к своего рода поверхностному гламуру и романтике. Британцы написали удивительное количество поэтических восхвалений, посвященных «Old Blue», соперничая с гимнами голландцев их цветочным композициям.

Когда они стояли там на своих блюдцах, залитые кружевным светом, этот фарфор был «самой настоящей голубизной и белизной неба, окрашенной цветом неба после дождя, таким, каким оно появляется между облаками». Вместо «Августа» и «Александра» британские коллекционеры фарфора называли свой любимый фарфор «Адмирал лазури» и «Император Китая». Когда кто-то оказывался в полубожественном присутствии «Old Blue», «то тут [была] радость без язвы или заботы, [было] вечно новое удовольствие, [это было] как любоваться глазурью и клеймом фарфора, который [был] древним и синим». «Древний» означало доступ к восточной культуре, более богатой и глубокой, чем западная. «Могла ли Франция, могла ли Англия произвести что-нибудь подобное?» [18] – спрашивали поклонники. Охваченные чрезмерным восторгом, европейцы отбросили свое собственное наследство в пользу ориенталистского хвастовства. Отойдите, мистер Китс, и освободите место для новой, лучшей «Оды к китайской вазе».

Возможно, в декадентской версии ритуального чаепития женщины были верховными жрицами чайного сервиза. Изысканность прекрасного пола как нельзя лучше подходила к вычурному фарфору. Подавая мужчинам чай, женщина действовала как цивилизатор, смягчая его острые углы. Действительно, размышляли викторианцы, женщина «никогда не выглядит красивее, чем когда заваривает чай. Самое женственное и самое домашнее из всех занятий придает ей волшебную гармонию», сродни конфуцианскому фэн-шуй. В каждом ее взгляде мелькало «колдовство». Отказ от восточного чайного ритуала «отнял бы у женщин их законную» и, по-видимому, чужую «империю». [19] В

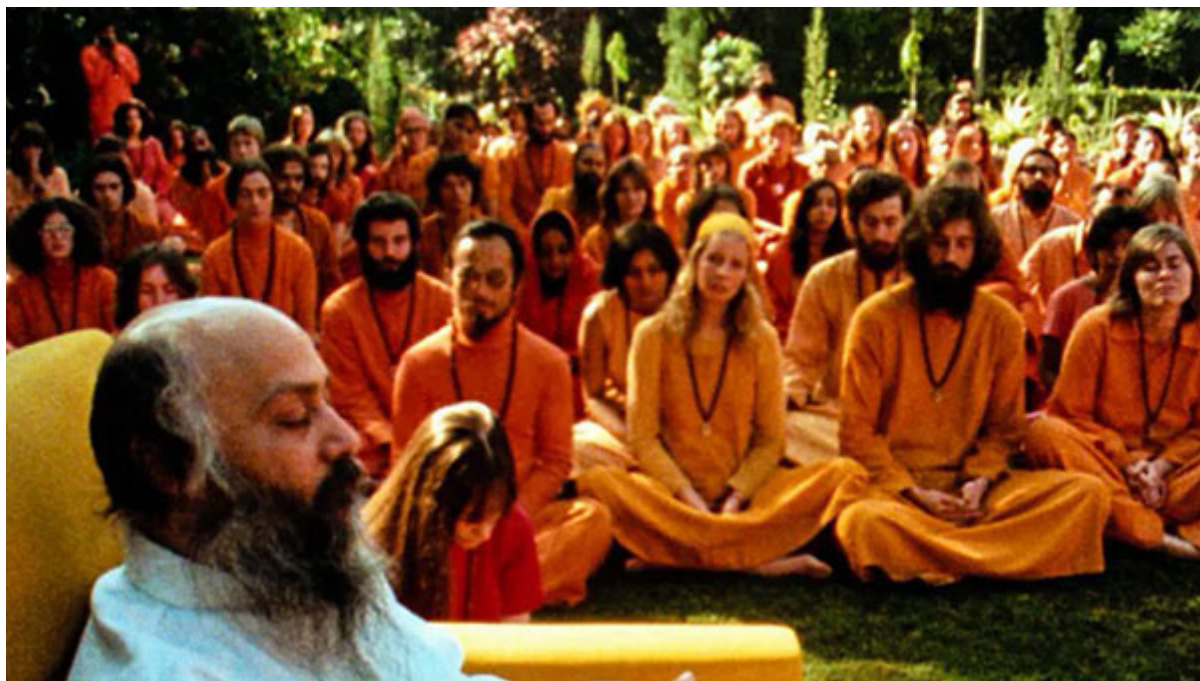
то время как мужчины отправлялись за границу завоевывать (возможно, в своих мундирах зуавов), женщины участвовали в своих собственных восточных завоеваниях, никогда не покидая своих домашних сфер.

Но и мужчины тоже могли быть одержимы китайским «колдовством». Писатель Чарльз Лэмб признался, что «[испытывал] почти женское пристрастие к старому фарфору». Посещая «любой большой дом», он чувствовал непреодолимое желание «расспросить [о] шкафе с фарфором» – вопросы, которые никогда не должны исходить из уст любого человека.

Скептики не чурались насмехаться над этим ориенталистским показом мод. Они предупреждали, что чрезмерное окультуривание делает женщин истеричными, а мужчин – не мужественными и раздражительными, овладевая ими на всю жизнь. Дошло до того, что «почти в каждом большом доме королевства был музей этих» гротескных предметов. «Даже государственные деятели и генералы не стыдились прослыть судьями чайников и драконов». Но трезвые люди могли бы с таким же успехом занудствовать перед надвигающимся тайфуном.

Синомания, утоляемая чаем из Цейлона, Дарджилинга, Кантона и подаваемая в фарфоровых чашках, должна была остаться надолго. Возможно, проведение слишком большого количества чаепитий было настоящей причиной того, что жители *Страны Чудес* были сумасшедшими. Коллекционирование было формой самоудовлетворения, и женоподобный британский коллекционер, с роскошью странствуя по миру, накапливал свою иностранную «поэзию, и музыку, и картины, и статуи», делая «развлечения и путешествия ... своими богами». [20] Ориенталистское «культивирование, которое он [боготворил] как замену простого долга патриотизма» – и, мы также можем предположить, как замену его либидо.

4. Раджнишпурам, Орегон: западная «Ошомания»

Бхагван Шри Раджниш (Ошо) в окружении своих белых приверженцев, ок. 1983 г.

До сих пор ориенталистские полеты фантазии в этом эссе касались белых, которые оказывались в неловком положении и иногда разорялись из-за эстетики – ничего слишком серьезного, как могут подумать читатели. Я приберегла худшее напоследок. Следующий случай «Ошомании» является одним (хотя и крайним) примером влечения жителей Запада к восточным философиям и религиям. [21]

История эта началась в 1960-х годах в Пуне, Индия, где бывший профессор колледжа по имени Бхагван Шри Раджниш (или «Ошо», как он позже называл себя) собрал последователей («раджниши») как среди индусов, так и среди жителей Запада и заработал репутацию духовного гуру. Его движение объединило индуистскую и буддийскую мысли, сосредоточив внимание на самопринятии и самооценке. Казалось, оно было создано специально для молодых белых, живших в контркультурные 1960-е и 1970-е годы, когда антизападничество было особенно модным.

Среди суровых ограничений Бхагвана были эстетические правила: его последователи должны были носить «цвета восхода солнца», то есть различные оттенки красного и оранжевого; повесить себе на шею подвеску из бисера, называемую «мала»; и отбросить их западные имена и взять новые, санскритские имена. [22] Для белых последователей это был ребрендинг и явный отказ от западного наследия и его традиционного патриархата – отказ от имени сво-

его отца, чтобы почтить индийца, который якобы овладел истинным просветлением. Действительно, трудно не рассматривать эти внешние проявления антинационализма и антиавторитаризма «раджниши» как своего рода дань моде. Сам гуру собрал в своей коллекции более 90 автомобилей «Rolls-Royce» и носил несколько часов «Rolex», инкрустированных бриллиантами.

Когда у общины Бхагвана возникли проблемы с правительством Индии, он решил переехать в Соединенные Штаты. Его индийская «секретарша» – умеющая добиваться своего и внушающая страх Ма Ананд Шила – выбрала участок площадью 63 000 акров за пределами крошечного городка Антелоуп, штат Орегон. По прибытии последователи Бхагвана быстро построили город (названный Раджнишпурам) на земле, которую они приобрели на законных основаниях, искажая правду и уверяя чиновников и жителей города, что они планируют использовать ее как сельскохозяйственное ранчо. Хотя новая коммуна действительно включала в себя и ферму, Раджнишпурам никоим образом не был «ранчо». На самом деле Раджнишпурам должен был стать бурно развивающейся столицей мирового революционного движения, которое должно было создать Нового Человека.

На пике своего развития на скромном «ранчо» проживало 4000 постоянных жителей; во время фестивалей тысячи последователей со всего мира стекались в район Антелоупа, местечка, где всего за несколько месяцев до этого проживало лишь 50 владельцев ранчо и горожан. [23] Столкновение культур было неизбежным.

Среди других чуждых обычаев «раджниши» поощряли наготу и сексуальную распущенность, а также участвовали в публичных половых актах в любое время дня. Это, наряду с агрессивностью членов общины и нежеланием идти на компромисс с опасениями и жалобами местных жителей, привело к драматическому противостоянию между жителями Орегона и одетыми в красное последователями Бхагвана. Однако, пожалуй, самым поразительным в Раджнишпураме был тот факт, что община на 90% состояла из белых. По сравнению с большинством населения «раджниши» были высокообразованными. Они прибыли из штатов Америки на побережье океанов, из Великобритании, Новой Зеландии, Австралии, Германии и скандинавских стран. На самом деле Раджнишпурам никогда бы не существовал без этой армии образованных, богатых, противников расизма и культурно обедневших белых, которые стекались в Орегон со всех концов Первого мира, жаждущие смысла и освобождения от западных «репрессий».

Эти «репрессии» включали работу и семью. Члены общины отказывались от традиционных обязанностей, чтобы принять участие в этой восточной утопии глубоко в джунглях Соединенных Штатов. О судьбе детей «раджниши», как внутри, так и за пределами общины, никто не заботился. Связи с кровными

родственниками и с господствующей культурой «раджниши» разорвали. Это был отказ от собственной расы в быстром и массовом масштабе.

Попытка «раджниши» захватить власть над политикой городка Антелоп и штата Орегон была столь же безжалостной. Питбуль Ма Ананд Шила организовала доставку в городок большого количества бездомных, чтобы «раджниши», зарегистрировав их для участия в выборах, могли победить на выборах местных избирателей. Такая тактика сплотила низшие слои общества против местных горожан. После того, как Раджнишпурам возглавил городской совет Антилопы, они создали собственное, хорошо вооруженное «розовое гестапо» («Силы мира») и школьную систему – и все это якобы под эгидой толерантного и свободолюбивого законодательства штата Орегон. В течение следующих нескольких лет «раджниши» использовали тактику, которая варьировалась от массовых отравлений, массового подсаживания на наркотики своих бездомных прихлебателей, покушения на убийство государственных служащих, покушения на убийство собственного врача Бхагвана и массового иммиграционного мошенничества – до тех пор, пока правительство Соединенных Штатов, наконец, не объявило Бхагвана и Шилу беглыми преступниками. Община распалась.

Неясно, как много сам Бхагван знал о деятельности Шилы (в течение многих лет он соблюдал непоколебимый, высший обет молчания, нарушаемый только беседами с Шилой и его наркоторговцами), но сказать, что он не имел никакого отношения к ее преступной деятельности, звучит как старое: «это был не царь; это была идея его злобного великого визиря».

Но особенно актуальной для целей моей статьи была манера брани «раджниши», направленной на других белых – на местных жителей Орегона, которые возражали против разрушительного присутствия вновь прибывших. Снова и снова Шила и ее белые лакеи повторяли обвинения в том, что антагонизм местных жителей был вызван «неамериканским» «фанатизмом» и «невежеством». [24] Жители Антелоупа и жители Орегона в целом якобы были «глупыми» и неспособными понять, что Раджнишпурам знакомит их с культурой и предлагает им шанс на просветление. Их заявления в СМИ отрицали, что горожане, которые уже жили там, имели какие-либо местные обычаи или культуру, которые последователи Раджниша должны уважать или даже признавать. Это пренебрежительное отношение было кульминацией долгой истории ориенталистских фантазий, которые ставили модные идеи Востока выше реального наследия Запада; новизны над традицией; культивируемого космополитизма над расовой солидарностью. На протяжении веков белые ориенталисты хотели принести восточные предметы и философию к нам домой. Это был лишь вопрос времени, когда их потомки принесут восточные народы в наши дома.

Заключение

Мы предполагали, что мировые войны виноваты в белом мазохизме, в отрицании Западом собственной культуры (или культур). Это частично верно. Но долгая история ориентализма – веры в то, что небелые культуры являются просвещенными обществами, которые каким-то образом получили доступ к более ценным знаниям – тоже должна нести часть вины. В самом деле, сейчас слишком много белых полагают, что Запад некультурен или что его цивилизация «некультурна», не обладает культурой. По иронии судьбы они направляют наибольшую антипатию такого рода к нативистским и сельским районам, где белым жителям удалось сохранить некоторые из наших традиционных обычаев. Чтобы быть «культивированным», культурно развитым, в наши дни, вам нужно быть модным. Вам нужно изучать – или делать вид, что изучаете – мистические методы цветного народа и насмехаться над своими невежественными сородичами, которые «цепляются за свое оружие и религию».

Космополитизм может означать «культивирование», но не истинную культуру. Это свидетельствует о нескольких убеждениях, помимо призывов к законсервированному «разнообразию» и бессодержательному «культурному обогащению». Заимствования с Востока также мало что означают, кроме вкуса к экзотике; к моде, которую можно надевать и снимать, например, красную рубашку «раджниши», или феску зуавов, или к привкусу высшей космополитической жизни. Но с каким энтузиазмом мы восприняли это ничто! Мы целиком и часто слепо набрасываемся на вещи – мы, самая идеалистическая раса людей – и превращаем их в мании. Быть экстремофилами было нашим благословением и нашим проклятием. Никогда ничего не делать наполовину!

Даже если бы мы захотели, смогли ли бы мы изменить нашу коллективную природу? Как пессимист-идеалист и скептический романтик, автор этой статьи считает, что нет. Будем надеяться, что мы отвергнем этот сон джиннов и очнемся от нашего бессильного оцепенения. Давайте молиться о том, чтобы следующей нашей всепоглощающей страстью было стремление к выживанию.

Примечания

[¹] *Richmond Daily Dispatch*, June 8, 1861.

[²] Наполеон официально стал императором в 1804 году.

[³] См. Thomas S. Abler, *Hinterland Warriors and Military Dress: European Empires and Exotic Uniforms* (Oxford: Berg, 2021).

[⁴] Там же, 111.

[⁵] Там же, 110.

[6] Timothy Marr, "The American Zouave," in *Military Images* (Autumn 2016), стр. 22-29, 25.

[7] Там же, 25.

[8] New Orleans *Daily Picayune*, Mar. 25, 1861

[9] Thomas C. DeLeon, *Four Years in Rebel Capitals* (Mobile, 1890), 70-72.

[10] Richmond *Daily Dispatch*, June 8, 1861.

[11] "The American Zouave," 27.

[12] Там же, 26-28.

[13] Untitled, in *The World*; March 27, 1755; 117.

[14] "Chinoiserie," in *The Columbia Encyclopedia*, by Paul Lagasse, and Columbia University, 8th ed. (Columbia University Press, 2018).

[15] David Pullins, "Robert Adams' Neoclassical Chinoiserie," *West 86th* 21, no. 2, pp. 177-200, 181-182.

[16] Там же, 178.

[17] См. Anne Anderson, "'Fearful Consequences of . . . Living Up to One's Teapot,': Men, Women, and 'Cultchah' in the English Aesthetic Movement, c. 1870-1900" in *Victorian Literature and Culture* (2009), стр. 219–254.

[18] Там же, 225, 227, 228.

[19] Там же, 229.

[20] Там же, 245, 249.

[21] Я рекомендую документальный фильм об этой коммуне 1980-х годов под названием «Дикая, дикая страна» (*Wild, Wild Country*, 2018). Мне он показался сбалансированным рассказом, в котором исследуется как негодование горожан, так и (иногда понятное) влечение к восточным религиям, которое испытывают многие жители Запада. Действия, предпринятые правительством штата и США против «раджниши», показывают, как наши институты когда-то действовали в наших интересах, а также то, какой устрашающей властью могут обладать федеральные агентства, когда их чиновники принимают решение преследовать непопулярные группы.

[22] См. Carl A. Latkin, "Coping after the Fall: The Mental Health of the Former Rajneeshpuram Commune" in *The International Journal for the Psychology of Religion* 3, no. 2 (1992), стр. 97-109, 99.

[23] См. Susan J. Palmer, "Wild, Wild Rajneeshpuram" in *Nova Religio* 22, no.4 (May 2019), стр. 96-104.

[24] Цитаты из *Wild, Wild Country*.

Библиотека Велесова Слобода, 2023 г.